

Его слова были мягкими и искренними, но Чэнь Шучжи всё ещё был немного растерян, не понимая, зачем он это говорил.

— Хотя я не так спокоен, как ты, и во многих вопросах ты разбираешься лучше меня, но со стороны всё видно яснее. Я был с тобой так долго, что лучше всех знаю твои слабости. В будущем тебе нужно жить более свободно, не надевай на себя оковы. Если тебе некомфортно со мной, то другие не должны тебе мешать. Иначе, запутавшись во всём этом, ты не сможешь жить счастливо...

Слушая его долгий монолог, Чэнь Шучжи наконец понял, зачем он пришёл. Рука была схвачена, и он не мог вырваться, поэтому лишь склонил голову и сказал:

— Если Вам это не нравится, зачем... вы предложили это?

Лян Хуань горько усмехнулся, но его слова звучали отстранённо:

— Это твой путь. Жениться, заводить детей, растить внуков — все идут этим путём. Ты такой хороший, ты заслуживаешь всего этого. Но я загнал тебя в тупик, бессмысленно потратив это время. Это моя вина.

— С самого начала я был виноват перед тобой, и не знаю, чем могу искупить свою вину. В будущем, когда мы встретимся, наши отношения останутся прежними. Если тебе что-то понадобится, не стесняйся обратиться ко мне...

Говоря эти бессвязные слова, Лян Хуань, хотя слёзы катились по его щекам, всё же пытался улыбнуться, глядя на лицо Чэнь Шучжи, такое же изящное и прекрасное, как всегда. Он смотрел долго, даже не желая моргать.

Раньше он, возможно, пытался вызвать у него жалость, но теперь ему больше не нужно было ничего просить.

Он знал, где остановиться. Всё, что нужно было сказать, было сказано, и он не ждал ответа. Вставая, он крепко сжал руку Чэнь Шучжи:

— Я ухожу, береги себя.

Наблюдая, как Лян Хуань исчезает за дверью, Чэнь Шучжи раз за разом перебирал его слова.

Значит, он пришёл попрощаться?

Оказывается, он позволил ему жениться на дочери Бай Цунлая не потому, что ему было всё равно, а потому, что он чувствовал себя виноватым, что помешал ему идти своим путём.

Сколько боли он должен был испытывать, чтобы специально прийти к нему домой, сказать эти странные слова и снова заплакать?

Что именно ему было так дорого в нём? Если говорить о внешности, то люди, не уступающие ему, точно есть. Если о таланте — среди его окружения нет недостатка в одарённых. Если о характере — почти любой человек был бы более приятным, чем он.

Может быть, он помнил о том, что однажды спас ему жизнь? Но если так, почему тогда он говорил только ложь?

Его мысли были в полном беспорядке, и он, не зная, откуда взялся этот порыв, распахнул дверь

и быстро спустился вниз, затем открыл входную дверь. Может быть, он просто хотел посмотреть, как он уходит, пытаясь понять его чувства.

Но вместо этого он увидел, как в густой темноте Лян Хуань неподвижно стоит на меже, а Лу Инь стоит рядом, подавая ему платок.

Увидев его, Лу Инь мгновенно исчез. Чэнь Шучжи постоял на месте, но, не зная, что делать, наконец нерешительно подошёл к Лян Хуаню.

Услышав шаги, Лян Хуань поспешно вытер лицо платком, повернулся к нему и с лёгкой улыбкой сказал:

— Всё в порядке, не обращай на меня внимания.

Чэнь Шучжи пристально смотрел на его лицо, залитое слезами, с опухшими глазами.

Лян Хуань, увидев, что он всё ещё стоит, почувствовал себя неловко, отвел взгляд и моргнул:

— Да... немного грустно, это неизбежно. Не смейся надо мной, никому не говори.

Говоря это, он снова готов был заплакать и поспешно отвернулся. Лишь видя этого человека, его охватывала волна тоски.

— Ваше Величество...

Чэнь Шучжи, слегка опустив голову, долго колебался, но вдруг поднял глаза и, глядя на профиль Лян Хуаня, произнёс совершенно ясно:

— Я не женюсь, хорошо?

Тело Лян Хуаня резко дёрнулось, и он медленно повернулся. В темноте не было видно выражения его глаз.

— Почему?

— Потому что... — Чэнь Шучжи стоял прямо, лишь опустив голову, — иначе Вам будет грустно.

Услышав это, Лян Хуань поднял голову и усмехнулся:

— Тогда тебе не стоит этого делать. Если ты не женишься сейчас, то женишься позже, и мне всё равно будет грустно. Лучше уж сразу.

Чэнь Шучжи без колебаний ответил:

— Пока Вам будет грустно из-за этого, я не женюсь.

— Что за глупости.

Обдумав слова, Чэнь Шучжи медленно объяснил:

— Если бы я был женщиной и служил Вам, то, независимо от того, вспомните ли Вы об этом в будущем, я должен был бы хранить верность. Как я могу искать кого-то другого?

Лян Хуань смотрел на него с недоверием:

— Как ты мог так подумать!

— Раньше я не думал, но только что, в этот момент, понял.

Услышав это, Лян Хуань вытер лицо рукавом, внезапно подошёл к нему, схватил его за запястье и, глядя на него с надеждой, спросил:

— Раньше ты не думал, а сейчас подумал? Потому что тебе жаль видеть меня грустным? Значит, я тебе не безразличен, да?

На этот вопрос Чэнь Шучжи никогда не знал ответа. Он закрыл глаза и тихо сказал:

— Мои чувства к Вам даже мне самому не ясны.

Лян Хуань не обратил внимания на этот уклончивый ответ. Его ум был полностью поглощён его предыдущими словами. Зная характер Чэнь Шучжи, он действительно мог так думать. Если он действительно так думал, то ему всё равно пришлось бы уйти, не используя эту причину, чтобы привязать его к себе на всю жизнь.

Но он стоял там, крепко держа его, как человек, долго находившийся в темноте и внезапно увидевший первый луч утреннего солнца, жадно бросающийся к нему, не желая отпустить.

Поэтому он не мог углубляться в то, была ли эта причина настоящей или нет. Он мог только сказать себе, что это был лишь предлог, а настоящая причина заключалась в том, что он не хотел его отпустить. Это должно было быть так.

Если он не хотел его отпустить, то он больше не позволит ему уйти. Причиной будет то, что он сам сказал.

Он успокоился, обнял человека перед собой и, всё ещё с дрожью в голосе, проговорил:

— Ты сам это сказал, теперь ты всегда будешь со мной, и больше никого... Даже если сейчас я тебе не дорог, я не верю, что, подождав всю жизнь, я не дождусь тебя...

Чэнь Шучжи понял, что, однажды высказав свою мысль, он уже не сможет взять слова назад.

Что ж, пусть будет так. Хотя этот выбор нельзя объяснить никому, но если он сможет прожить так до конца, то хотя бы в душе он обретёт покой.

Когда Лян Хуань отпустил его, он подумал, что на этом всё закончилось, и уже хотел сказать, что вернётся, но тут Лян Хуань повернулся и сказал:

— Сегодня ты поедешь со мной. Я боюсь, что, как только я уйду, ты передумаешь.

— Я не передумаю...

— Поехали со мной!

Чэнь Шучжи не мог ничего поделать и лишь согласился:

— Тогда я возьму свои вещи.

— Не бери, во Дворце Вэйян всё есть.

— Мне нужно сдать завтрашнее задание.

— ...Тогда поторопись.

В карете Чэнь Шучжи сидел спокойно, но вдруг Лян Хуань неожиданно наклонился и прижался всем телом к его ногам. Ему было душно и жарко, но он не мог его оттолкнуть.

Лян Хуань рисовал круги на его ноге пальцем и шептал:

— Эй, Синли, ты действительно серьёзно? Твои слова звучат так невероятно, даже немного неловко.

В голове Чэнь Шучжи промелькнули слова «взял своё, но ещё и жалуется», но он поспешно отогнал их. Лян Хуань щекотал его, и он, держа его руку, мягко сказал:

— Разве все ваши наложницы во дворце не такие?

— Я не знаю, я даже не прикасался к ним...

Хотя он уже слышал это раньше, Чэнь Шучжи всё же удивился.

— Я люблю мужчин, разве ты не знал? — Лян Хуань поднял голову и широко улыбнулся ему. — Я говорил, что это впервые, и всё было для тебя. Ты взял это, так что теперь ты должен заботиться обо мне!

Чэнь Шучжи опустил ресницы. Если так, то в первый раз это действительно была его вина.

— Вы так много знаете, не скажешь, что это впервые, — он вспомнил, как Лян Хуань прижал его к кровати, и невольно пошутил.

Лян Хуань поднял бровь:

— Ты такой сдержанный, если бы я не знал так много, что бы мы делали в постели — читали стихи?

Чэнь Шучжи: Прошу двор воздвигнуть мне арку целомудрия.

Пояснение: здесь он уже подсознательно влюбился, но не хочет признавать этого, потому что признание этих чувств поставит его в опасное положение, как в прошлом. Поэтому он просто нашёл причину, чтобы удержать другого.

<http://bllate.org/book/16213/1455999>